

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ В ЯЗЫКЕ

Челябинский государственный университет

Взаимоотношения языка и пола, способы выражения последнего в языке – вопросы, которые становятся все более актуальными и открывают широкое поле исследований для ученых разных стран. Так А.В. Кирилина замечает, что “основной целью таких исследований является описание и объяснение того, как проявляется пол в языке, какие оценки приписываются в языке мужчине и женщине и в каких семантических областях они наиболее распространены” [8: 36-37].

В гендерных исследованиях изучается как речевое поведение мужчин и женщин в целом, так и выделяются и описываются избранные особенности языка. Важная роль отводится социокультурной составляющей, а также учитывается теория биодетерминизма. Ярко проявлен междисциплинарный характер исследований, их сопоставительный аспект, причем сопоставлению подвергаются не только особенности речи мужчин и женщин в рамках одного языка, одной культуры, но проводятся сравнительные анализы на примерах двух и более языков.

В целом, ученые утверждают, что практически любая область лингвистики может быть рассмотрена с гендерных позиций. Кроме того, очевиден прикладной характер гендерных исследований.

Впрочем, несмотря на “междисциплинарный подход и заметное размывание границ”, которым характеризуются гендерные исследования, в них соблюдаются общеметодологические требования. Методологические проблемы, свойственные новым научным направлениям, к которым можно отнести и гендерную лингвистику, подробно разрабатываются в совместной работе Д.О. Добровольского и А.В. Кирилиной. Ученые считают, что гендерное исследование “должно содержать эксплицитно сформулированные рабочие гипотезы и обсуждение способов их верификации. Иными словами, следует однозначно определить, какие операции над исследуемым материалом должны быть применены в какой последовательности, чтобы получить интересующие аналитика результаты, причем методика получения результатов должна быть настолько операциональной, чтобы применение аналогичных методов на аналогичном материале всегда давало аналогичные результаты, не зависящие ни от идеологических установок исследователя, ни от прочих внешних по отношению к анализу факторов” [5:31].

История становления гендерной лингвистики отсылает нас ко множеству работ, объединенных стремлением авторов раскрыть роль гендерного фактора в речи, обозначить языковые особенности в соответствии с социальными признаками личности.

Гендерный аспект изучения языка интересовал Э. Сепира. Он упоминал об особенности некоторых языков сочетать формы, употребляемые мужчинами, и формы, употребляемые женщинами. Отголоски этого явления ученый наблюдал в шумерском и японском языках. Впрочем, кроме языков мужского и женского ученый выделял также детский язык, и языки людей с неординарной внешностью (язык горбатых, хромых и т.п.).

Т.Б. Савина в своей работе “Понятие гендера и проблемы становления гендерологии” утверждает, что “женские исследования” как вызов традиционной науке возникли, когда стало очевидным, что, в сущности, социальные и гуманитарные науки под видом изучения человека вообще, т.е. *homo sapiens*, изучают исключительно мужчин”. Она подчеркивает, что “женские исследования как раз и были ориентированы на изучение женского культурного зазеркалья, причем здесь использовались самые разные методы: исповедь, групповые дискуссии, глубинные интервью, вторичный анализ материалов этнографических исследований. Такие исследования велись в США, начиная с 70-х г.г. XX века, в университетах и в женских объединениях” [10].

Исследователь также говорит о параллельном развитии феминистской критики традиционной западной науки, андроцентризма и маскулинизма, характерных для нее, и социальных последствиях этого. В её работе выделяются несколько значимых моментов:

“1. Сама наука определяется через использование маскулинных атрибутов: объективности, рациональности, строгости, имперсональности, свободы от ценностного влияния.

2. Характер производства знаний в ней также “мужской”.

3. Объектами научного изучения традиционно остаются мужчины и маскулинное. Это относится, например, к биологии, антропологии, медицине и психологии. Традиционные исторические исследования касаются, как правило, событий “большой” (мужской) истории – войн, битв, революций, смены династий, а повседневная жизнь людей, считающаяся сферой деятельности женщин, редко оказывается в поле зрения исследователей. Женщины, таким образом, оказываются “спрятанными” от истории, но и сама история оказывается достаточно односторонней. Даже “иерархия наук” носит маскулинный характер: наиболее престижными и уважаемыми считаются “строгие” науки, вроде математики или физики, менее уважаемыми и “солидными” – “феминные”, вроде литературоведения” [10].

В тесной связи с увеличением количества социологических, психологических, политологических, междисциплинарных исследований по гендерной проблематике находится повышение интереса к гендерной тематике в лингвистике. В фокусе внимания в таких исследованиях находятся разные аспекты “языка в действии”, вводится понимание дискурсивных практик в социуме. В работе А.Б. Бушева рассматриваются следующие проблемы:

1. гендерные различия в вербальной и невербальной коммуникации мужчин и женщин;
2. характерность определенных форм в речи мужчин и женщин (специфичность интонирования, характерный выбор слов, синтаксические различия, модальные различия);
3. разность образцов разговорной речи, скажем, средней активности в диалоге;
4. разность в представленности статусности и вежливости в языке мужчин и женщин;
5. проблемы гендера и социолингвистического варьирования [1].

Основные теоретико-методологические положения понимания гендера основаны на четырех взаимосвязанных компонентах: это культурные символы; нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации; а также самоидентификация личности. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации.

В 80-е годы появилось более уравновешенное понимание гендера как проблемы не только экспликации женской истории, женской психологии и т.п., но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. Гендерные исследования не могли освободиться от устойчивых представлений о языке мужчин и языке женщин как о неразделимых категориях. “Совершались попытки связать специфические лингвистические формы или стратегии непосредственно с полом говорящего, интерпретируя мужскую речь как *доминирующую* над женским речевым стилем (например, Спендер, 1980), или *отличающуюся в культурном аспекте* (например, Мальтц и Боркер, 1982; Таннен, 1990)” [12].

В 90-е годы возникло направление, исследующее только мужественность, и пришло осознание того, что маскулинность имеет разные проявления в любом обществе; главное из этих направлений получило название доминирующей мужественности (*hegemonic masculinity*).

Тем не менее, в 1990-е годы появляются новые теоретические работы, основанные на последних разработках социальных и феминистских теорий и дискурсивно-ориентированных методиках. Утверждается новый подход к восприятию гендера в языке, который перешагнул через представления ранних разработок и сосредоточился на культурных идеологиях, передающих разницу языковых форм и значение гендера.

Вместе с тем в науке до сегодняшнего дня нет единого взгляда на природу гендера. Его относят, с одной стороны, к мыслительным конструктам, или моделям, разработанным с целью более четкого научного описания проблем. С другой стороны, он служит разграничением социокультурных функций. Анализ имеющихся на данный момент работ позволяет определить ряд линий, по которым велась исследовательская работа.

Согласно Словарию гендерных терминов (далее СГТ), одной из первых работ в области гендерной лингвистики было исследование Т.Б. Крючковой. Автором изучались особенности письменных текстов, порожденных мужчинами и женщинами. В текстах художественной прозы анализировалось и статистически фиксировалось употребление частей речи. Автор обнаружил, что в женских текстах количественно выше употребление местоимений и частиц, а в мужских более частотно употребление имен существительных. А.А. Вейлерт, исследуя неподготовленные устные высказывания, обнаружил в женской речи большую частотность употребления глаголов и союзов. Обнаружилось также, что женщины имеют более развитый лексикон. В речи мужчин исследователь установил большую встречаемость прилагательных и наречий, более частое употребление абстрактных существительных. О.А. Рыжкина и Л.И. Реснянская выяснили, что одни и те же лексемы воспринимаются мужчинами и женщинами как имеющие разную степень положительной или отрицательной оценки. Влияние половозрастных особенностей говорящего на процесс вербальной коммуникации доказывается в работе Л.Р. Мошинской.

По результатам исследования И.Г. Овчинниковой, посвященного анализу воздействия языковых средств рекламы на реципиентов, отмечается, что мужчины менее чувствительны к тропам, а женщины склонны более высоко оценивать стереотипы, чем отклонения от них [13].

Со ссылкой на экспериментальную работу Н.Ф. Верховланцевой (1989) Е.И. Горошко утверждает, что “в образе современной женщины для мужчин основными оказываются черты, так или иначе связанные с ее отношением к мужчинам, для женщин же наиболее акту-

альными являются ее деловые качества. Различия касаются также эмоционально-оценочной стороны: мужчины относятся к современным женщинам сверхкритично, наделяя их в основном негативными характеристиками, женщины, напротив, чаще указывают слова, выражающие положительную эмоциональную оценку” [3:25]. Этот вопрос, впрочем, нуждается в дальнейшем исследовании. Так, проведенный ассоциативный эксперимент (Кирилина, 1996) показал противоположные результаты: женщины более высоко оценивались мужчинами, чем сами мужчины.

В целом, отличительной чертой советской, а затем российской лингвистической гендерологии можно также назвать выраженную практическую направленность исследования мужской и женской речи. Среди современных ученых, разрабатывающих проблемы гендерной лингвистики, назовем имена А.В. Кирилиной, О.В. Рябова, И.В. Зыковой, Е.И. Горошко и других.

Так в совместной работе А.В. Кирилиной и М.В. Томской утверждается новое понимание процессов категоризации, обусловленное интересом к субъективному и частному. Ученые говорят о влиянии феминистской лингвистики на современное понимание гендера: “Феминистская лингвистика подвергла критике язык за его андроцентричность, т. е. ориентированность не на человека вообще, а на мужчину. Язык был обвинен в сексизме — дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Дискриминация выражается в преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадении во многих языках понятий “человек” и “мужчина”, преобладании в обозначениях женщин негативных оценок и т. п. Представительницы феминистского направления утверждали также, что пол является определяющим фактором коммуникации. Феминистская лингвистика открыто провозглашала свою политическую ангажированность и стремление не только вскрыть следы патриархата и сексизм языка, но и преодолеть их, реформировав язык. В основе рассуждений лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной мере определяется особенностями языка” [7].

Также в своих исследованиях А.В. Кирилина и М.В. Томская обращаются к У. Лабову, говоря о социальной природе гендерных различий: “Лабов показал, что различия в произношении не носят абсолютного характера. Существует лишь более высокая вероятность того, что один вариант предпочтут женщины, а другой — мужчины. При этом предпочтительность зависит от социальной группы, общественных ожиданий и других социальных, а не природных факторов” [7].

Авторы называют гендер “институционализированным и ритуализованным социокультурным конструктом” и связывают его с социальной идентичностью индивида. В исследованиях подчеркивается роль общественных институтов, которые поддерживают различия в речи мужчин и женщин, стимулируя их восприятие человеком как присутствующих от природы.

“Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола” [7].

Таким образом, согласно мнениям ученых, в самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух групп проблем:

1. Проблемы отражения пола в языке, когда лексические и синтаксические особенности, номинативная система, категория рода, встречающиеся в языке мужчин и женщин, становятся основным объектом исследования.

2. Проблемы коммуникативного поведения в целом, когда изучаются типичные стратегии и тактики, имеющие целью достичь желаемого результата общения.

В своей статье “Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации” А.В. Кирилина утверждает, что “общий для многих лингвистических направлений принцип “человек в языке”, установление и описание механизмов антропоориентированности языка вполне согласуются с учетом гендерного фактора. Более того, гендерный подход позволяет сделать еще один шаг вперед и описать не только антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия. Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов... Важным фактором изучения маскулинности и фемининности является признание их не только когнитивно, но и культурно обусловленными сущностями и перенесение их изучения в область лингвокультурологии и других наук, связанных с исследованием культуры и общества” [6:138].

О.В. Рябов, разрабатывая гендерный аспект образа России в западной историософии, замечает, что “национальный характер: “русскость” маркируется как феминность. Западные авторы нередко прямо говорят, например, о “женственной уступчивости” или “женствен-

ном непостоянстве” русских. Но еще более принципиальным, чем такая, эксплицированная, маркировка, представляется то, что практически все качества, составляющие традиционный образ “русскости” (а это: бесформенность, склонность к анархии, стремление во всем доходить до крайностей, противоречивость, пассивность, упование на “авось”, открытость и незавершенность бытия, размытость границ между личностями и соборность, преобладание эмоционально над рациональным, морального над правовым, мягкость, проявляющаяся в доброте, миролюбии, уживчивости, покорности, смирении, интуитивное познание, религиозность), — это качества феминные; если “опрокинуть” их на гендерную сетку координат, то они однозначно ассоциируются с различными гранями женского начала” [9].

Важную роль в современных гендерных исследованиях играют работы Е.И. Горошко. В 2004 году вышла её статья “Гендерные особенности русскоязычного Интернета”, в которой автор обращает внимание на возникновение виртуальной языковой личности и подчеркивает гендерную составляющую в структуре этой личности. При взгляде на электронную коммуникацию как комбинацию различных дискурсивных практик, в плане изученности гендерного компонента наиболее исследованным Е.И. Горошко признает педагогический, научный и бытовой дискурс. В своей работе она утверждает, что “электронный политический дискурс, или рекламный, являются в этом аспекте практически не исследованными, в отличие от “невиртуальной” реальности, где наблюдается всё увеличивающееся и увеличивающееся количество работ, посвященных, например, влиянию гендерного фактора на рекламу или политику” [2].

Автор также подчеркивает взаимосвязи гендерного параметра с другими психофизиологическими или социальными факторами, где “была зафиксирована устойчивая корреляция гендера с возрастом и профессиональной деятельностью участников электронной коммуникации”. Менее значимыми факторами, по её мнению, становятся социальный статус и этническая принадлежность, в связи с чем автор делает вывод о большей демократичности виртуальной реальности по сравнению с обычной коммуникацией [2].

И.И. Халеева пишет о гендере, как об интриге познания. “Существует мнение, что лингвистическая традиция, учитывающая фактор пола, уходит корнями в античный мир, когда началось осмысление категорий природного пола (*sexus*) и грамматического рода (*gender*). Однако правомерным, видимо, будет и утверждение, что полоролевая традиция общественного сознания берет свое начало в древнекитайской философии с ее основными понятиями — *ян* и *инь*. Концепция о взаимодействии полярных сил “*инь*” — “*ян*” как основных сил

движения, дуализм которых выражается в нерасторжимом единстве и борьбе светлого и темного, твердого и мягкого, мужского и женского начал в природе, – легла в основу учения о символах взаимодействия крайних противоположностей” [11].

Здесь мы можем заметить возрождение идей, выраженных В.Гумбольдтом. Он также подчеркивал мысль об универсальном характере дуализма “мужское-женское”. Описывая особенности языка, В. Гумбольдт характеризует два начала как единое целое: “Все мужское высказывает больше самостоятельности, все женское – больше сочувственной восприимчивости. Однако это различие заключается скорее в общей направленности, а не в способностях. Деятельная сторона – она же и сочувственная, и наоборот...”

Между полами распределены лишь склонности, которые и дают им возможность строить неисчерпаемое целое...” [4:216]

Некоторую конкретизацию идеи о выражении дуализма мужского и женского находим у И.И. Халеевой. Автор утверждает, что гендерные различия выявляются как на уровне системы языка, так и на уровне его употребления. Любое общество, по мнению автора, характеризуется своей коммуникативной ситуацией, присущей этому обществу социально-функциональной стратификацией языка, где всегда обнаруживаются некоторые особенности речевого поведения женщин в отличие от речевого поведения мужчин. Имея свою коммуникативную структуру, заключающуюся в системе социальных ролей, институтов, учреждений, норм, средств воплощения, передачи, хранения и обработки текстов, общество отражается в системе социальных ролей, которая и является “одним из сильных факторов, детерминирующих гендер как тип интригообразования, восходящих к ролям, т.е. индивидам, занимающим в обществе одну из типизированных позиций в социальной структуре данного общества и являющихся тем самым социальной данностью” [11].

В целом, автор подчеркивает, что гендер как интригообразующая парадигма находит свое выражение в многочисленных исследованиях по отношению к различным языкам и социокультурным дискурсам, а одним из основных значимых положений при обосновании гендерного типа интриги познания является ее обращенность к человеку, к его социально и культурно обусловленной природе [11].

В связи с этим особое значение приобретает массовая коммуникация как один из важных аспектов выражения индивидуальности человека, основанных на взаимодействии с другими людьми. В частности ученые указывают на реализацию гендерных стереотипов в процессе массовой коммуникации. “Мужественность и женственность – исторически изменчивые концепты. Культурная репрезентация пола

создается при помощи акцентуации тех или иных сторон этих многомерных концептов” [8].

Библиографический список

1. Бушев А.Б. Проблемы гендерной лингвистики. www.auditorium.ru/aud/pers/pers_view.php?id=15322
2. Горошко Е. И. Гендерные особенности русскоязычного Интернета // Научные записки Луганского национального университета. Вып.5, Т.3. Серия “Филологические науки”. Луганск: Альма-матер, 2004.
3. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ). Дис. канд. филол. наук. М., 1996. С. 138.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. Серия: Языковеды мира. Пер. с нем. Сост., общ. ред. и вступит. статьи А.В.Гульги и Г.В.Рамишвили. М: Прогресс, 1985. С. 451.
5. Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: Сб статей / Московский государственный лингвистический университет. Лаборатория гендерных исследований. М.: изд-во “Рудомино”, 2000. С.19-35.
6. Кирилина А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology, №2, 2002. С.134-141.
7. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки, №2, 2005. <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>
8. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. С.189.
9. Рябов О. “Mother Russia”: Гендерный аспект образа России в западной историософии // Общественные науки и современность, №4, 2000. С. 116-122.
10. Савина Т.Б. Понятие гендера и проблемы становления гендерологии. <http://www.dgu.ru/~philosophy/stsaw10.htm>
11. Халеева И.И. О гендерных подходах к теории обучения языка и культуры // Известия Рос. Акад. Образования, № 1, 2000. С.11-19.
12. Saito Masami. Feminizumu riron ni yoru hihanteki disukoosu bunseki no tenkai: Uuman ribu undoo no media gensetsu o jiree to shite (Feminist critical discourse analysis: A study of the media discourse of the “women’s lib movement” in Japan). Unpublished Ph.D. dissertation, Ochanomizu University, 2001.
13. www.owl.ru